

За несколько дней неторопливого чтения нового романа Камилы Зиганшина «Там, где кончается земля» прожила с его героем долгую, необыкновенно интересную, насыщенную удивительными странствиями и опасностями жизнь. Могла бы сказать, что роман понравился, но дело даже не в этом. Едва успев дочитать до конца, уже не могла удержаться, чтобы не заглянуть сразу в несколько других книг, повествующих о героях-первопроходцах, упомянутых у Зиганшина или незримо присутствующих в авторской атмосфере (как, например, присутствуют инженер-геодезист, писатель-романтик Г.А. Федосеев с его великолепными книгами об экспедициях в малоизученные районы Сибири и Дальнего Востока).

А такое стимулирование читателя, согласитесь, дорогого стоит. Во всяком случае, для меня это положительное качество читаемой книги.

Новая книга писателя — продолжение уже полюбоившейся читателям диалогии «Скитники» и «Золото Алдана». Только здесь уже гораздо больше внимания отдано дальним странствиям героя и многообразным испытаниям в тундре Сибири и Заполярья.

Три года назад мне пришлось возразить одному автору, написавшему, что повесть Камилы Зиганшина «Возвращение росомахи» это приключенческая литература. Тогда я как раз и сослался на «Золото Алдана» как приключенческий роман, в известном смысле упростила ситуацию.

Сегодня для разговора о новой книге Камилы Зиганшина пригодится мысль Светланы Чураевой: «Приключенческая литература до XVIII-XIX веков благополучно просуществовала в русле массовой, лишь меняя костюмы. Но, с воцарением в искусстве эстетики романтизма, приключенческий жанр вышел на принципиально новый виток развития. Идея свободной исключительной личности, творящей героические дела при необыкновенных обстоятельствах, овладела лучшими умами. Активно — «вглубь и шири» — познавалась вселенная: мир природы, истории, мир человеческой души... Описания необыкновенных событий, по сути приключений, в прозе писателей-романтиков пользовались заслуженной популярностью и у широкой, и у образованной публики. Таинственность, экзотика и героические судьбы пришли по вкусу массовому читателю. А более изысканные и требовательные личности находили в романтической прозе погружение в тайны души и духа...».

Что ж, рискну отнести себя к «искушённым и требовательным» читателям, но признаюсь, что в третьей книге Камилы Зиганшина об алданских скитниках увлекли меня не только «тайны души и духа», но, на сей раз, и самые обыкновенные, столь милые по детской памяти сердца, «невероятные приключения», «необыкновенные обстоятельства» и «героические судьбы». Книга эта именно об *активном познании вселенной свободной исключительной личности*.

И, чтобы защититься от этого обидного звания «массового читателя», уточню, что *героические судьбы* литературных героев, даже в приключенческом жанре, вовсе не обязательно предполагают некий, рассчитанный на невзыскательный вкус, вымысел. Тем и замечательна герой Камилы Зиганшина, что его судьба, насыщенная невероятными, казалась бы, непосильными для человека испытаниями, будучи художественным вымыслом, оказывается вдруг, при нашем капризном интересе к каждой мелочи и каждому, даже случайно оброненному герою слову, не просто правдоподобной, но совершенно убедительной, в каком-то смысле исторически достоверной.

Странник

Признаюсь, у меня есть эссе с подзаголовком «после прочтения рассказа Василия Белова», есть и попытка «беседы» с Шукшиным — письменного разговора с ним. То есть, мне близка и интересна такая форма — размышления, отталкиваемые от творчества любимого и уважаемого писателя. И я, как Василий Кiliaков, в поисках правды не пойду к «оку-паям-абаям», я лучше возьму с полки книгу Шукшина, Белова или Абрамова — тех писателей, которые уже много поняли в русской жизни и указали пути по ней... Вот Кiliaков пишет: «... Василий Макарович Шукшин — это и есть Школа. Школа с большой буквы. И никакими усилиями русскоязычных не погасить величия этой школы: чтобы принадлежать к ней — нужно иметь достоинство...».

Василий Кiliaков, безусловно, принадлежит к Школе Василия Шукшина... И следующее эссе «Душа-частушка» ещё раз подтверждает его принадлежность к этой Школе. Через частушку — выражение народного характера — вся история страны от Ленина до Ельцина и авторское рассуждение об этой истории.

За эссе следует интервью, взятое у Василия Кiliaкова Ириной Гречаник — вот такое необычное построение книги. Не буду отнимать у читателя возможность самому прочитать это интервью, в котором Василий Кiliaков раскрывает природу своего творчества, высказывает свой взгляд на мир, на то же творчество. Приведу лишь его последние слова: «Время как «млат», который, «дробя стекло, куёт будущая». И всё же надо делать выводы, надо знать, что без опыта и выводов

«рогами» имел сходство с короткими тягловыми животными якутов, эвенков, чукчей и юкагиров. И вот, если бы не эта легендарная личность, о которой камчатско-курский прозаик Александр Александрович Харитановский написал замечательную документально-художественную повесть «Человек с железным оленем» (1960), события повести Зиганшина могли бы показаться нам сегодня совершенно невероятными. Да, его герой вымышленный. И всё-таки необыкновенно сложный и опасный маршрут скитника Корнея, его «хождение к океану» (на Крайний Север и Аляску) в одиночку, на одной ноге (вместо второй — протез), кажется, не мог бы возникнуть в творческом воображении писателя, не будь ему известен реальный маршрут Глеба Травина, осуществившего своё дерзновенное под девизом: «Человек может всё, даже победить самого себя».

Зиганшин не скрывает своих симпатий к легендарному путешественнику Травину, его имя упоминается в тексте повествования о скитнике Корнее. И даже мотивация у литературного

Марина МАСЛОВА

Человек с индигирским зверем

О герою новой книги Камилы Зиганшина

персонажа оказывается близкой к той, какой руководствовался Травин — «Хочу увидеть, как живут мои соотечественники».

У документально-художественной книги А.Харитановского имеется подзаголовок «Повесть о забытом подвиге», писателю пришлось отстаивать право именовать героя своего произведения не просто спортсменом-экстремалом, а именно героем, человеком, совершившим подвиг. «Повторяю, — пишет Харитановский в конце своей книги, — Травин не учёный. Во время путешествия он не занимался научными наблюдениями и представлялся повсюду как физкультурник. Так будем же искать в энциклопедии спорта равных достижений, потребовавших не меньших усилий, не меньшего мужества. Говоря конкретно о велосипедном спорте, это путешествие можно сравнить только с кругосветным маршрутом Онисима Панкратова. Но если у Панкратова венцом перехода были Альпы, то у Травина — полярная пустыня!».

Для героя Камилы Зиганшина также полярные льды оказались венцом испытаний. И именно на этом отрезке его странствия на Север, «туда, где кончается земля», он будто проходит по следам камчатского экстремала-велопродохца (родом тот из Пскова, но переехал на Камчатку и оттуда начинал и там же завершал свой «всесоюзный» маршрут).

Некоторые страницы повествования о путешествии Корнея, кажется, во многом вдохновлены не только документальной повестью А.Харитановского, но и путевыми рассказами самого Глеба Травина. В советское время их можно было прочесть, например, в журнале «Вокруг света». В 1975 году одна из журнальных публикаций предварялась редакционной заметкой: «Глеб Травин, возвращаясь к своему путешествию на страницах журнала «Вокруг света», как бы осмысливает свой «эксперимент» почти полувекковой давности, осмысливает с позиции сегодняшнего дня, когда мир не перестает ошеломлять человечество новыми открытиями... Можно ли переплыть океан на плоту? Или на наддувной спасательной шлюпке? Или на паруснике в одиночку? К подобным затеям многие относились вначале как к чудачествам. Но такие «чудаки», как Тур Хейердал, Ален Бомбар, Франсис Чичестер, изменили представления о пределах человеческих возможностей».

рядом двух путешественников-писателей, выразив мнение, что уфимский прозаик мало в чём уступает: «...альпинист, экстремал экстра-класса, наряду с Фёдором Конюховым, не ниже».

Потому и невозможно нам не оглянуться на личность отца Фёдора, способную дать много благодатного «питательного» материала для такого литературного героя, как странствующий скитник Корней, во всяком событии выдающийся присутствие Бога.

Так что реально-исторических прототипов у героя Камилы Зиганшина можно найти великое множество. Впрочем, и без того уже ясно, что жизнь человеческая гораздо причудливее и невероятнее во многих своих проявлениях, нежели самый изощрённый литературный вымысел, а литературный герой, даже если попустки его, по нашему разумению, граничат с фантастикой, может самым естественным образом являть нам правду жизни...

В предисловии к третьей книге о скитниках автор, напоминая, что его герои — хранители

древнего христианского благочестия, будто вместе с читателями задумывается:

«Погружаясь в мир староверия, понимаешь, что у этих сильных духом людей можно почтиться способностью преодолевать трудности, находить счастье и радость там, где другие не видят ничего, кроме проблем. А ещё — и это, пожалуй, главное — способности быть благодарным Создателю за каждый прожитый день».

Вот этой удивительной способности, превышающей, пожалуй, самые невероятные достижения современного человечества, и, может, для многих самой недосягаемой, как-то постепенно, исподволь учит нас мужественный герой Камилы Зиганшина.

Корней сошёл с сухогруза «Арктика» в Русском Устье 2 июля 1959 года, став с этого момента путником-одиночкой, прозванным среди северных народов «одноногим русским». А мы с этого отрезка повествования можем называть его (по аналогии с прозвищем легендарного велосипедиста — «человека с железным оленем» Глеба Травина) «человек с индигирским зверем», потому что от юкагиров алданский скитник получил собачью упряжку с умейшим вожаком — индигирским псом по имени Борой. Индигирские ездовые собаки — самые лучшие на Севере.

Писатель подробно рисует эпизод знакомства Корнея с собаками, быть может, чуть-чуть преувеличивая степень осмысленности поведения вожака.

«Борой не случайно был вожаком. Он превосходил других не только физическими данными, но и сообразительностью. Когда Корней сказал ему «Будем знакомы, дай лапу» и протянул руку, тот сразу поддал.

— Кто же левую подает? Надо правую. Борой тут же перевернул лапу».

Борой спас Корнею жизнь, и если бы не эта собака, путешествие скитника оборвалось бы в тундре за Колымой. Потому этот могучий и выносливый зверь всё-таки заслуживает того, чтобы считаться одним из главных попутчиков Корнея в его рискованном и невероятно опасном одиночном переходе на Чукотку (оттуда он планировал возвращаться пародомом снова на Алдан).

Да, самым сложным оказался маршрут по Заполярию, где Борой не раз показывал преданность хозяину и, в конце концов, после гибели всех других собак упряжки, остался единственным другом человека, спасшись с ним на льдине, достигшей берегов неведомой земли, которая, судя по некоторым признакам авторского тайного замысла, окажется Аляской.

Надо заметить, что и пёс Борой «унаследован» скитником от своего легендарного прототипа, командира Травина, которому северяне, восхищённые мужеством «человека с железным оленем», всё-таки дали собачью упряжку для надёжности в тундре, и вожака упряжки звали Бурый.

Итак, в новом романе Камилы Зиганшина «Там, где кончается земля» звучат многие, «проверенные» русской литературой, мотивы. Что-то подсказано писателю «Хождением за три моря» Афанасия Никитина, что-то рассказом Н.С. Лескова «На краю света». Какие-то эпизоды странствий и деяний скитника отсылают нас к образу Марка Пугина из «Территории» Олега Куваева, какие-то к образу Сергея Баклакова, геолога из вятского крестьянского рода, выросшего в атмосфере, близкой к впечатлениям дикой тундры и тайги (мать его бесстрашно ходила «по лесным деревьям в зимние ночи, ... когда волчьи стаи нагоняли ужас на всю округу»; «в зимние волчьи ночи» она брала с собой лишь «двуухозные небольшие вилы, которыми разбрасывают на полях навоз»). Есть ещё прекрасная книга Бориса Васильевского «Где Север?» с её «Чукотскими рассказами» («Кладбище в Узлене», «Белой ночью» и др.), мотивы которой лёгким отзвуком слышатся в романе в описаниях природы и жителей Чукотского полуострова, этого «края вечной мерзлоты». Кстати, Васильевский, написав: «К Северу вы стремитесь, как к бесконечности...», подсказывает нам удивительную мысль: литературного героя, алданского скитника Корнея, Север манил так, как может манить верующего вечность и бесконечность любви Божией. Разочаровавшись в природной экзотике, лишённой столь милых ему горных и древесных вертикалей, он, тем не менее, не разочаровался в людях, сохранил веру. А финальным (по тексту романа) фактом спасения на льдине в океане он, напротив, ещё крепче уверился в бесконечности любви Божией. И тут снова уместны слова Константина Паустовского: «Скитания очищают... роднят нас с небом». Наконец, как уже не раз тут сказано, заключительный — полярный — этап странствия скитника вдохновлён документально-художественной повестью А.А. Харитановского «Человек с железным оленем».

Так что в целом можно сказать, что Корней — это собирательный образ мужественного и сильного человека, способного управлять своими чувствами и страстями, находиться в гармонии с природой и верить в Божий Промысел о себе.

Много ещё интересного можно рассказать о новой книге Камилы Зиганшина, только вряд ли пересказ будет столь же многограсочен и многозвучен, как страницы удивительного повествования о первозданной природе и живущих в её окружении коренных народах Сибири и Заполярья.

Казалось бы, в наши дни, когда любую точку планеты можно детально рассмотреть в интернете, описаниями дикой природы уже никого не удивишь. Но почему же только прочитав книгу Камилы Зиганшина, вдруг вспоминаешь, что ты никогда не видел берегов Индигирки зимой или ярангу юкагиров посреди весенней тундры?..

Курск

Это, по-моему, у Набокова в «Даре» в эпиграфе из учебника русской грамматики П.Смирновского «Дуб — дерево. Роза — цветок. Воробей — птица, Россия — наше отечество». Так и тянет добавить «поэт — Пушкин, писатель — Толстой» — так они в нашей крови генетически едины — от цветка до Отечества.

Приведет судьба в Михайловское (благо, оно у меня рядом), иду мимо «трех сосен» и автоматически бубню: «Они все те же, все тот же их знакомый уху шорох. Но около корней их устарелых теперь младая роща

Валентин КУРБАТОВ

Ясная «Ясная»

К 25-летию Яснополянских писательских встреч

разрослась»... И переметнусь в Ясную, на наши писательские встречи, которым вот уже двадцать пять лет. Как раз поколение. И отчего-то вздохну. Пушкин вон надеялся на ровную спасительную память: «Но пусть мой внук с приятельской беседы возвращаясь... пройдёт он мимо нас во мраке ночи и обо мне вспомнит». А я гляжу на толстенную стопку наших Яснополянских сборников, накопившихся за эту четверть века, и что-то не вижу, чтобы эта дорогая живая история самых сложных последних лет нашей истории была нетерпеливо рассматриваема (уф, какое индотское слово!) ИМЛИ или ИРЛИ — двумя главными исследовательскими институтами страны.

А ведь там живая свидетельская мысль в пору ее рождения, там кипение страстей и это обезумевшее время. Но «внук» не торопится расстаться со своими товарищами по «приятельской беседе». И мы в сторонке от этих «трех сосен», как старые холостяки, вокруг которых «по-прежнему всё пусто, голо...».

Можно я уж через прямой эгоизм, через домашнее честолюбие? Через него всё виднее. Жил я вот, жил во семьдесят лет, умного народу перевидал пропасть. Можно сказать, живую историю литературы — всех Тарковских от Арсения Александровича до Михаила, Анастасию Ивановну Цветаеву (никак без имени-отчества), а

там и Антокольского и Евтушенко, Лахшина и Шкловского, Борщаговского и Астафьева, Нагибина и Окуджаву, Белова и Распутина. И не просто по-видал, а поразговаривал, с кем-то и поддружил, сам обо всех переписал и знал счастье переписки и мне от них перепали чудные автографы. И когда завёлся диалог с Псковским архивом, я понежнему носил туда эти письма (чего дома-то пылиться?), да и в тайной гордости (во с кем переписывался!) и детской надежде, что «пусть мой внук» — наткнётся какой-нибудь

студент филфака Псковского университета на мои архивные папки и хмыкнет: это что у нас у нас, в Пскове, был со всеми знаком?! Ну-ка, ну-ка... Ведь тут курсовая, а, может и диплом...». Ку-у-уда... Теперь уж и жалею. Лучше бы сам сидел над этим сундуком, сундуком еще не полным, но теперь уже и не могущим пополниться, потому что «чернила» высохли, перо заржавело», а под клавиатурой у нас у всех не то, что почерк, а и мысли стали делаться на одно лицо.

А ведь в наших яснополянских сборниках и не одна русская литература отразилась. Вон сколько было гостей со всех волостей — итальянских, испанских, английских со всеми своими проблемами, в которых мы скоро стали узнавать и подступающие наши.

Ну, взял бы и сам, не дожидаясь «внука», пересмотрел и обобщил. Чего на других валить? Да только вот беда — сам участник. Какая уж тут объективность — непременно «своих» потащивши.

Каких «своих»? За четверть-то века все свои. А только всё потоньше. Мы ведь в самом-то начале для того и собирились, чтобы согласить тогда несогласимые писательские союзы. Ну, с иностранцами понятнее. Возьмем, скажем, англичане Джо Дордон Смит и Алекс Хамилтон и отчитают нас за нелгубоеко по их разумению наше понимание Толстого. Ну, тут встанет Анатолий Ким и предложит «побоксировать с ними», чтобы дока-

зять обратное. Мы улыбнёмся выбору «оружия», но слово свое не уступим. А вот со «своими» сложнее. Собирались, чтобы согласить. А согласились? Разогнул вот нечаянно один из сборников и вздохнул: спросит анкета: надобно ли писателю быть учителем? И пожалуйста: Распутин «писатель должен заслужить право быть учителем», а в соседстве с ним на тот же вопрос отвечает Сергей Гандлевский: «я — человек индивидуально-эстетского склада и меня поэтому понятно коробит назидательность в литературе». Или сойдутся Владимир Куницын и Юрий Поляков и сразу каждое слово врозь. А то приедут из Екатеринбурга председатели соперничающих там союзов Арсен Титов и Владимир Блинов и мы все время будем путать, кто из них из какого союза. Как сами-то не путают? Поменяй ночью этих секретарей в Екатеринбурге и коллеги не заметят подмены, потому что на глубине-то оба «свои», а уж игра на противоположности — это от разрыгавшего времени.

И уже тогда дивился, что вот вроде на встречах-то не только чекушку, а и «хлеба горбушку и ту пополам», а и разыхались, и даже кто в одну Москву возвращался, через неделю в публикациях опять «чужие», словно обрадовавшись, что вырвались из-под устязавшего взгляда Льва Николаевича. И опять смотри, чтобы чужую паутинку не задеть и на всякий случай лучше пересечь на «социальное

расстояние». Но все-таки раз от разу расстояние-то и покороче.

Ну, и жизнь сама потихоньку вмешивается. Мать все-таки — видит, что детки разные, как в семье самого Льва Николаевича, и «отпускает»: пусть уж сами. И потом как-то сама собой явилась в содружестве с «Самсунгом» и премия «Ясная Поляна» и участники встреч стали членами жюри, так что скоро жюри незаметно стало как бы сокращенным вариантом встреч с той же благой целью — восстановления литературного процесса в единстве и силе. И дело идёт и идёт потихоньку...

Лучшим и спасительным опытом этих 25-ти лет было осознание, что все противоречия на самом деле, слава Богу, не разрушительны для крепкого сложившегося в XIX — XX-м веках организации русской литературы. И теперь молодой и, может быть, даже «либеральный» аспирант ИМЛИ или ИРЛИ, если он хочет работать в русской литературе всерьез и печататься тиражами поболее трехсот экземпляров, почитает яснополянские сборники и со счастливым удивлением увидит, что мир-то может и бегаёт и теряет голову, а русская литература помнит себя, как матушка Россия, храня дом и материнское тепло, чтобы когда дитя набегаётся, оно знало, что у него есть родительский дом, куда можно воротиться и быть принятым с любовью.

И Ясная Поляна всё Ясная и «тьма не обиймет её»...